

мариэтта
чудакова

НЕ ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ

ПОДКА
ПЕРВАЯ

время
читать!

Время читать

Мариэтта Чудакова

**Не для взрослых. Время
читать! Полка первая**

«WebKniga»

Чудакова М. О.

Не для взрослых. Время читать! Полка первая / М. О. Чудакова — «WebKniga», — (Время читать)

Знаменитый историк литературы XX века, известный в мире знаток творчества Булгакова и автор его «Жизнеописания», а также автор увлекательнейшего детектива для подростков «Дела и ужасы Жени Осинкиной» рассказывает о книгах, которые во что бы то ни стало надо прочесть именно до 16 лет – ни в коем случае не позже! Потому что книги на этой Золотой Полке, собранной для вас Мариэттой Чудаковой, так хитро написаны, что если вы опоздаете и начнете читать их взрослыми – вы уже никогда не получите того удовольствия, которое в них заложено именно для вас – и улетучивается из них по мере вашего взросления. Но тот, кто прочел, скажем, «Приключения Тома Сойера» до 16 лет, – может потом перечитывать их сколько угодно раз и до глубокой старости. Каждый раз он будет получать килограммы удовольствия!

© Чудакова М. О.

© WebKniga

Содержание

НЕ ПРОПУСТИТЕ ОТРОЧЕСТВО!	5
ПРО АМЕРИКАНЦЕВ	10
ЧИТАЙТЕ ТОЛСТОГО!	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мариэтта Чудакова

Не для взрослых

Памяти моей любимой племянницы Танечки Мишиной

НЕ ПРОПУСТИТЕ ОТРОЧЕСТВО!

1

Мой старший брат выучил меня читать, когда мне было пять лет (а ему – пятнадцать). Сейчас этим никого не удивишь, а тогда было в диковину. И считалось, что много читать в таком возрасте нельзя: врачи уверяли, что может что-то случиться с головой. Ходил слух, что кто-то пятилетний даже сошел с ума от неумеренного чтения. И моя умная мама, мать пятерых детей (я была четвертая), верила этому!

Я же действительно стала читать как сумасшедшая (будто медицинские предостережения уже подтвердились). И старшие ловили меня в разных углах коммунальной квартиры с криком: «Опять читает!» И мама тревожно восклицала: «Сейчас же отнимите у нее книжку!»

В первом классе на уроках чтения я и правда потихоньку сходила с ума – от скуки: когда одноклассницы (тогда обучение мальчиков и девочек было раздельное) заунывно читали по слогам букварь: «Ма-ма мы-ла ра-му».

Дождаться не могла, когда же кончатся уроки. И летела со всех ног домой – там меня ждал «*Таинственный остров*» Жюль Верна...

Так навсегда и связалась у меня первая школьная осень с захватывающим чтением толстого синего тома из тогдашней «Библиотеки приключений».

Жюль Верн

После него пошли другие романы Жюль Верна – и «Дети капитана Гранта», и «Пятнадцатилетний капитан», и «20 тысяч лье под водой»...

...Ах, этот подводный дворец капитана Немо!.. Читала, затаив дыхание в буквальном смысле слова, – то есть, забывая вдохнуть и выдохнуть.

2

Когда-то в России был такой возраст *отрочество*. Недаром Лев Толстой так и назвал три части своей трилогии: «Детство», «Отрочество», «Юность».

В самом главном нашем Академическом словаре написано, что отрочество – «возраст между детством и юностью».

По-моему, довольно непонятное пояснение. Когда кончается детство? У всех по-разному. У одних – в шесть лет: они уже и младших нянчат, на огороде и во дворе родителям по-взрослому помогают. А приходилось встречать и таких, у кого оно и в 40 лет еще не кончилось.

Вот в словаре Даля про отрочество сказано более четко – это пора (хорошее, между прочим, слово) «от 7 до 15 лет».

Потом, в советское время, эта самая пора куда-то подевалась... «Советские дети» (нередко добавлялось – «самые счастливые в мире») – а потом сразу «советская молодежь».

Правда, было еще такое выражение – «пионеры и школьники». Это вообще не очень понятно, что такое, потому что с третьего класса всех поголовно принимали в пионеры, никакого согласия ни у кого не спрашивали.

Да, еще называли – «учащиеся». Все вообще, кто ходил в школу или в какое-нибудь училище. А лет с 17-ти они уже были – «молодежь и студенты». Например – «Всемирный фестиваль молодежи и студентов» (летом 2007 года как раз отмечали его 50-летие). Тоже не очень-то понятно – ведь и студенты не старики.

Ну, советская власть давно кончилась и уже нельзя ее спросить – почему ей так не нравилось это слово. Но этот возраст – *отрочество* – все равно существует. И он, может быть, самый важный в жизни человека.

В это время складываются привычки. Хорошие или плохие, но на всю жизнь. Совершаются благородные поступки – потому что тяга к добру еще не задавлена, не скорректирована корыстными или еще какими-нибудь расчетами. Принимаются важные решения. И некоторые люди следуют тому, что решили в отрочестве, всю свою жизнь.

В это важное, но короткое время или прочитываются некоторые книги – или не прочитываются уже никогда.

3

Потому что есть три закона чтения, и два с половиной из них выведены мною лично.

Первый:

нет книг, которые читать – рано.

Второй:

есть книги, которые читать – поздно.

И третий:

именно в отрочестве надо составить список книг, которые в жизни надо обязательно успеть прочесть. Составить – и после этого отказаться от чтения всякой чепухи, которой сейчас везде – навалом.

Чарльз Диккенс

Поясню *первый* закон. Никто не скажет вам заранее, *что* именно вам читать рано. Потому что – у всех по-разному! Одному – рано, а другому – в самый раз. А его ровеснику до самой старости будет рано: читает – и не может понять, что к чему.

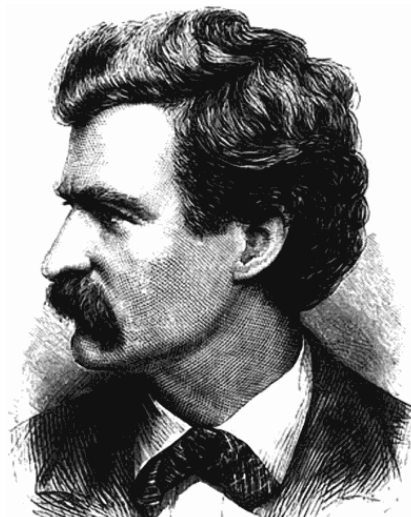
Если вам рано читать эту книжку – вы сами же первый это и заметите. И отложите ее до лучших дней – или будете читать с пропусками, выискивая то, из-за чего вам ее родители, собственно, не давали читать. Ну и что? Ничего не потеряете и ничего не приобретете.

Помню, в шестом классе спросила старшего брата – моего постоянного советчика по чтению – что мне почитать? Он сказал через плечо, секунду подумав: «Читай „Записки Пиквикского клуба“ Диккенса!»

Для меня каждое его слово было истиной в последней инстанции. Побежала в библиотеку (записана была в районной с третьего класса – Интернета тогда, представьте себе, не было), взяла. Стала читать – скучно, нет сил! Иллюстрации смотреть интересно: толстяк мистер Пиквик, худой Джингль... А читать – не могу, и все. Как мне было стыдно! Как же так? Брат считает, что книга – для меня, а я значит, так глупа? Потихоньку от него сдала книгу в библиотеку, так и не прочитав, – первый, наверно, случай в моей жизни.

Через четыре года, в десятом классе взяла снова. И – читала взахлеб! Не могла понять, как она мне могла казаться скучной. Поумнела, значит, сильно за четыре года – доросла до Диккенса...

Так что если книга оказалась вам не по возрасту, не по уму – ничего страшного, вернетесь к ней позже. Но установить это можно, мне кажется, только опытным путем – начав читать. Знаю точно, что одни в 15 лет проглатывали «Преступление и наказание» Достоевского, для других чтение гениального романа было истинным наказанием.

Марк Твен

Со *вторым* законом дело обстоит серьезнее.

Да, есть такие книжки, которые надо прочесть именно лет в 12, в 14...

Во-первых, только в этом возрасте вы получите от нее стопроцентное удовольствие. А во-вторых – создадите себе задел (то есть нужный запас) на будущее. Это же здорово – перечитать когда-нибудь на отдыхе «Приключения Тома Сойера»! Я знаю людей, которые перечитывали эту книжку своего детства – со знакомыми иллюстрациями! – несколько раз: в 25 лет, потом около сорока лет и так далее. Но я не встречала таких, кто уселся читать ее первый раз в 40 лет. Во-первых – некогда. Во-вторых – и в голову не придет. А в-третьих, если и возьметесь – вряд ли будете читать взахлеб. Так, перелистаете с легкой улыбкой. «Жаль, – скажете, – что в детстве не попала!»

В общем, поленился в свое время – проиграл на всю жизнь.

Что касается *третьего* закона – многие подумают: а что плохого в чтении пустых, попавшихся случайно под руку или просто модных в этот момент книг?

Некоторые так и считают – а что? Ничего особенного. Мура, но читать можно.

А дело-то главным образом в том, что плохая книжка *навсегда* лишает вас возможности прочесть хорошую.

– Почему же навсегда-то? – спросите вы с возмущением. – Прочитал плохую – теперь почитаю хорошую! Какие дела?..

А вот такие. Время-то не безразмерное.

Когда я училась в шестом классе и продолжала читать, как говорится запоем, вдруг вычитала где-то, что человек за жизнь может прочесть, кажется, не более 10 тысяч книг.

Неважно, точная это цифра или нет. Важно, то, что я пришла в ужас от мысли, что читаемые мною второсортные книги, поглощая отмеренные человеку для чтения часы (их и так не очень много остается – от других дел), явно меня чего-то лишают. В первую очередь – возможности прочесть какие-то другие книги – те самые, которые в жизни прочесть *необходимо!* Я еще не знала толком – какие. Но уже точно знала, что они – есть.

Тогда я стала думать – от чего же отказаться? (Я уже понимала, что поглощаю, охваченная жадой чтения, и некачественную литературу тоже.) Я любила, например, тогдашнюю «научную фантастику» (сейчас одно издательство ее переиздает, но делает это совершенно напрасно). В этих книжках в те советские годы обязательно ловили каких-нибудь шпионов, охотящихся за замечательными советскими изобретениями и самими изобретателями. Меня увлекала сама детективность сюжета: отслеживание, преследование. Но вот что интересно. Потому, может быть, что к этому времени уже было прочитано немало первоклассных книг,

я смутно чувствовала, что эта «фантастика» – в общем-то, дешевка (хотя, как советская пионерка, не подвергала сомнению то, что наша жизнь, конечно же, кишит шпионами).

Александр Дюма

И с того дня дала себе слово больше не читать «фантастику». И держала зарок – представьте себе! – до конца университета. Боялась тратить драгоценное время не на *чтение*, а на *читиво*.

До тех пор, пока один приятель не сказал мне, что это я напрасно.

И я узнала от него, что давно появились три прекрасных фантаста – Станислав Лем, Айзек Азимов и Рэй Брэдбери... И после этого всех их прочла и восхитилась. Но это – особая тема, к ней со временем вернусь

У полки (иногда ее называют – *золотая полка*), на которой стоят вот эти самые книги, которые надо успеть прочитать до 14—15 лет (ну, в крайнем случае – до 17), есть одно свойство: не все *видят* те книжки, которые на ней стоят. Кто-то и во всю свою жизнь многих из них так и не увидит – и, конечно, не прочтет. То есть не узнает просто даже названия книг, не прочитать которые так же обидно, как никогда не увидеть, например, другие страны.

Если же кто-то скажет – «Подумаешь, какие дела – ну не прочитаю какую-то книжку!...» – так это все равно, что сказать: «Подумаешь – не увижу какой-то ваш Париж!»

Не будете же вы кидаться объяснять такому человеку, зачем нужно увидеть в жизни Париж или, скажем, Рим. Просто пожмете плечами, да и все. Кто-то, может, еще у виска пальцем покрутит – соображай, мол, что несешь. И потому же неохота будет вам занудно ему объяснять, почему стоит и даже обязательно нужно прочитать те самые книги, которые задолго до тебя читал весь мир. И все восторгались. И говорили друг другу: «Как, ты еще не читал?»

И когда приятель тебе скажет: «Ты что – читать книжку собрался? Зачем тебе это надо?!», то вряд ли все-таки миллионы людей были глупые, а он – умный. Скорей уж наоборот, вот что я думаю.

Объяснять такому – только зря время тратить. А тем, кто поумней, кто все, о чем мы тут говорили, хорошо понимает и только ждет дельного совета, рада буду помочь.

Укомплектуем постепенно вместе вашу золотую полку **НЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ**.

На ней будут стоять и книги русских писателей, и переводные – скажем, французы Жюль Верн или Дюма, американцы О. Генри и Марк Твен, англичане – Стивенсон, Конан-Дойл, Дефо или Честертон и многие другие.

ПРО АМЕРИКАНЦЕВ

Рассказы **О. Генри**, например, можно как раз читать в любом возрасте – хоть в 10—12 лет, хоть в 80. Но почему бы не начать пораньше? Он писал в конце XIX века – начале XX века и изображал Америку этого времени, с ее ковбоями и гангстерами. Начал писать, между прочим, в тюрьме, где три года сидел за растрату (не знаю – справедливо или нет). Поэтому ему пришлось переправлять рассказы в журналы тайно и печатать под псевдонимом (настоящая его фамилия Портер). И вышел на свободу уже известным писателем.

Начните хотя бы с его рассказа «Вождь краснокожих».

Двум американцам с Юга, из штата Алабама, не хватало двух тысяч долларов на проведение, как сами же они простодушно называли, «жульнической спекуляции земельными участками...» И они похитили единственного сына «самого видного из горожан», десятилетнего рыжего мальчика – чтобы получить у отца выкуп. Что из этого вышло – описано очень интересно и смешно. Не буду пересказывать, чтобы не портить вам впечатления. Приведу только последнюю фразу – уж очень она в духе и стиле О. Генри: «Хотя ночь была темная, Билл очень толст, а я умел очень быстро бегать, я нагнал его только в полутора милях от города».

Если уж мы начали с буквы «А» – с американского писателя, то расскажу про еще одного. Он уже тем нам интересен, что одна из его сказок («Легенда об арабском звездочете» – тоже увлекательная) подсказала Пушкину сюжет «Сказки о золотом петушке» (открыла это Анна Ахматова – до нее никто и не догадывался).

Это писатель **Вашингтон Ирвинг**. Он родился в тот самый год – 1783-й, когда Америка стала Америкой (в России ее стали называть *Северо-Американские штаты*) – то есть добилась независимости от Британской империи. Будущего писателя и назвали в честь первого президента страны – Джорджа Вашингтона: фамилия президента стала его именем.

Про героя его рассказа «Рип ван Винкль» (это имя практически стало нарицательным – еще и поэтому рассказ надо обязательно прочитать, а то так и не поймете, о чем речь, когда вдруг услышите реплику образованного человека – «Ну, это просто Рип ван Винкль!») автор говорит: «Большим недостатком в характере Рипа было непреодолимое отвращение к произ-

водительному труду. Это происходило, однако, не потому, что у него не хватало усидчивости или терпения, – ведь сидел же он сиднем, бывало, на мокром камне с удочкой...

Короче говоря, Рип охотно брался за чужие дела, но отнюдь не за собственные; исполнять обязанности отца семейства и содержать ферму в порядке представлялось невыносимым и невозможным».

У него была собака по имени Волк. И вот однажды, чтобы избавиться от работы на ферме, Рип взял ружье и отправился вместе с Волком бродить по лесам. Забрался далеко. И вдруг слышит окрик: «Рип ван Винкль! Рип ван Винкль!» А его Волк тут же «ощетинился, зарычал, прижался к хозяину и замер...» И вот Рип видит странного незнакомца «с густой гривою волос и седой бородой. Одет он был по старинной голландской моде: в суконный камзол, перетянутый у пояса ремнем, и несколько пар штанов, причем верхние, необыкновенно широкие, были украшены сбоку и рядами пуговиц, а у колен – бантами. Он тащил на плече изрядный бочонок, очевидно наполненный водкой, и подавал Рипу знаки, прося его приблизиться и помочь».

Кстати, насчет голландской моды – голландцы рано оказались на американском континенте и даже основали (в 1626 году) город Нью-Йорк, назвав его Новый Амстердам (позже англичане его переназвали).

...И вот эти двое карабкаются вверх по высохшему руслу ручья, попадают в ущелье и, пройдя его, выходят в лощину, «похожую на маленький амфитеатр». И Рип ван Винкль увидел – внизу на площадке «компания странных личностей резалась в кегли. На них было причудливое иноземное платье», а на лицах – суровое выражение. Они молчали; «никогда еще Рипу не доводилось присутствовать при такой унылой забаве». И только стук шаров будил в горах громкое эхо, грохотавшее подобно громовым раскатам.

Спутник молча делает ему знаки – чтоб разносил играющим кубки с вином. А лица у всех игроков «такие странные, такие чужие, такие безжизненные, что у Рипа екнуло сердце и задрожали поджилки».

Отхлебнул потихоньку напитка и Рип – «и нашел, что по вкусу и запаху это – отменная голландская водка». Сделал еще глоток, еще – и «погрузился в глубокий сон». Когда же проснулся на том же самом зеленом бугре – было утро; пса его рядом не было. А «вместо нового, отлично смазанного дробовика, нашел рядом с собою старый кремневый мушкет; ствол был изъеден ржавчиною, замок отвалился, червями источено ложе».

А что было с ним дальше – прочитаете, надеюсь, сами.

ЧИТАЙТЕ ТОЛСТОГО!

1

Я упоминала трилогию **Льва Толстого** — *«Детство»*, *«Отрочество»*, *«Юность»*.

Уж во всяком случае две первые ее части надо торопиться прочесть. Главное — только открыть книгу и начать. А оторваться — я вам это гарантирую — будет уже трудно. Вот совсем маленькая девятая глава из *«Детства»* — «Что-то вроде первой любви»:

«... Я смотрел через плечо Катеньки, которая старалась поднять червяка на листочке, подставляя ему его на дороге.

Я заметил, что многие девочки имеют привычку подергивать плечами, стараясь этим движением привести спустившееся платье с открытой шеей на настоящее место. Еще помню, что Мими¹ всегда сердилась за это движение и говорила: «C'est un geste de femme de chambre»². Нагнувшись над червяком, Катенька сделала это самое движение, и в то же время ветер поднял косыночку с ее беленькой шейки. Плечико во время этого движения было на два пальца от моих губ. Я смотрел уже не на червяка, смотрел-смотрел и изо всех сил поцеловал плечо Катеньки. Она не обернулась, но я заметил, что шейка ее и уши покраснели. Володя³, не поднимая головы, презрительно сказал:

— Что за нежности?

У меня же были слезы на глазах».

А *«Отрочество»*? Один рассказ гувернера Карла Ивановича о своей жизни — рассказ, где немецкий мешается с ломаным русским, трудно читать спокойно. Вот он после девяти лет военной службы оказывается в родном доме. «„И мое милы маменька выходит из задня дверью. Я сейчас узнал его. „Вы знаете наша Karl“, он сказал, посмотрел на мене и, весь бледны, за... дро... жал!.. „Да, я видел его“, — я сказал и не смел поднять глаз на нее; сердце у меня пригнуть хотело. „Karl мой жив! — Сказала маменька. — Слава Богу! Где он, мой милый Karl?..“ — и он заплакал... Я не мог терпеть... „Маменька! — я сказал, — я ваш Карл!“ И он упал мне на рука... “

Карл Иваныч закрыл глаза, и губы его задрожали».

2

Но уж что точно надо прочитать пораньше, лет в 10—12, потому что позже такого сильного впечатления может уже и не быть, — это рассказ Л. Толстого *«Кавказский пленник»*.

Само его начало стало уже частью нашей культуры — столько поколений читали его, порою вслух, «с выражением»: «Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин».

Толстой и сам четыре года служил на Кавказе, во время нескончаемой Кавказской войны, которую вела Россия, пока не подчинила наконец Северный Кавказ.

В рассказе всех горцев называют «татарами», хотя татар на Кавказе и не было — просто тогдашние «простые» люди (а Толстой пишет как будто не от себя, а от лица простого и даже простоватого участника этой войны) знали в России только одних мусульман — татар. Ну и всех других мусульман — аварцев, чеченцев — «записывали» в татары.

---

¹ Гувернантка сестры героя повести и мать Катеньки.

² Это жест горничной (фр.).

³ Старший брат.

«На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днем, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдет от крепости, татары или убьют, или уведут в горы». И дальше – история пленения двух русских офицеров, Жилина и Костылина, и их неудачных побегов. И вот пленники ждут денег из дому – «татары» обещали их за выкуп выпустить. Вернее, Костылин ждет, а Жилин нет – он нарочно послал письмо с неверным адресом, потому что точно знает, что у его матери денег нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.